

Свет погасших звезд

Анна Кутковская

Анна Кутковская

Свет погасших звезд

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69716893

SelfPub; 2023

Аннотация

Если вы когда-нибудь задумывались о том, что такое вечность, вам должно быть знакомо чувство мурашек по всему телу. Невозможно представить себе такое количество времени. Нам, простым смертным, повезло, потому что наша "вечность" ограничивается всего лишь сотней лет. Но что делать тем, для кого вечность – обыденная реальность?

Анна Кутковская

Свет погасших звезд

Я встретил Жизель в центральном парке. Сначала я даже не заметил ее, но потом тихие вздохи, издаваемые ею, проникли в мое сознание. Она вздыхала так, будто вся боль и тоска этого мира поселились внутри нее. И теперь она борется с этим неподъемным грузом, но борьба эта безуспешна. Не закрывая книги, я краем глаза посмотрел на девушку. Было в ней что-то странное, ускользающее – в прямом смысле слова. Боковым зрением, пусть даже очень пристальным, я не мог подробно разглядеть ее. Она виделась мне каким-то белым размытым существом – не девушкой, а ее импрессионистическим абрисом. В этой мешанине пятен и всевозможных оттенков белого цвета я разглядел очертания прехорошенькой шляпки, локонов, спадающих на плечи, и даже кружевного зонтика. Однако образ этот постоянно дрожал и готов был растаять в любой момент.

От пристального разглядывания и усердного скашивания взгляда на глаза набежали слезы. Я моргнул и, полный решимости, повернул голову к незнакомке. Морок пропал. Передо мной сидела обычная современная девушка, ничем не отличающаяся от десятков и сотен других, виденных мною на улицах города. Я крепко зажмурился, снова открыл глаза, но она не исчезла.

Не зная, как начать разговор, я молча поглядывал на нее. Расхожая фразочка: «Привет, скучаешь одна?» показалась мне такой пошлостью, как и в принципе сама идея знакомства в парке, что я снова погрузился в мучительные размышления. Пока я раздумывал, что мне делать и говорить, девушка повернулась ко мне и, как мне показалось, почти не разжимая губ, сказала:

– Вижу, Вы хотите меня о чем-то спросить.

– Я... Да... Собственно... – растерянно начал блеять я и не нашел ничего лучше, кроме как завести пустой разговор о погоде.

Девушка очень внимательно слушала меня, отвечала на мои вопросы (глупые, в стиле «Вы любите туман? У нас иногда бывает так туманно!») и даже пыталась рассказать подходящий по случаю анекдот. Но уже через пару минут разговор зашел в совершеннейший тупик.

–И все же, что Вы хотели спросить у меня? – повторила она свой самый первый вопрос.

– Собственно, я хотел спросить: не согласитесь ли Вы прогуляться со мной до ближайшего кафе, – выпалил я, будто нырнул в омут.

– Отчего нет, – улыбнулась незнакомка, посмотрела на небо и добавила, – тем более скоро будет дождь.

Я посмотрел на небо – сентябрьскую прохладную синеву не затеняло ни одно, даже самое маленькое, облачко. Я пожал плечами, убрал книгу в сумку, подошел к незнакомке

и, как настоящий галантный кавалер, протянул ей руку. Девушка взялась за нее осторожно, одними пальцами. В миг, когда она прикоснулась ко мне, я вздрогнул: рука была ее до того холодна, что меня пробрала дрожь. Мне показалось даже, что рядом злобно взвыла январская выюга, а сам я замурован в огромную ледяную глыбу. Видимо, это отобразилось на моем лице, потому что девушка участливо заглянула мне в глаза и спросила:

– Что-то не так?

– Нет. Нет, все в порядке.

Мы шли молча. За то время, что длилась наша беседа, я успел рассмотреть ее лишь мельком. Теперь же, когда она была рядом, я бросал на нее короткие взгляды, выхватывая то один, то другой кусочек ее образа и оценивая его. Одетая она была в обычные синие джинсы, сверху – обычное пальто («Тренчкот» – сам собой всплыл в голове голос бывшей подруги). Длинная белоснежная шея была изящно упакована в неяркий шелковый платок. На маленьких, чуть заостренных, как у эльфа, ушах не было ни намека на пирсинг или любые другие украшения. Нижняя челюсть была чуть тяжеловата и немного выдавалась вперед, но это было не очень заметно. Маленький вздернутый нос и большие темные глаза завершали этот милый и даже по-детски наивный образ. Но все же было в ней что-то такое, неуловимое, чего я не мог объяснить.

– Может, спросите, как меня зовут? Вместо того, чтобы

так бесцеремонно разглядывать, – улыбнулась она.

– Простите, – смутился я. – Как Вас зовут?

– Жизель.

– Как балет, – решил блеснуть остроумием я и понял, что эта остроота уже приелась ей и стоит поперек горла.

– Да, как балет, – вздохнула она.

– Ну, это нормальное имя, – чтобы хоть как-то исправить ситуацию, я начал разглагольствовать об именах. – Тани, Кати и Светы отошли в прошлое. Сейчас многих девочек называют необычными именами. Вот, например, у меня крестницу назвали Улита. Улита – вы серьезно? А друг своих дочек-близняшек назвал Эмилия и Мишель. Представляете: Николаевы Эмилия и Мишель Алексеевны. Нелепо как-то, глупо.

– Ну почему же, – откликнулась Жизель. – Детей редко когда называют полным именем и отчеством. Главное, чтобы дети выросли в хороших людей.

С этими словами девушка снова так глубоко и печально вздохнула, что я не утерпел и спросил:

– Жизель, скажите, почему Вы так тяжело вздыхаете? У Вас что-то случилось? Я могу помочь?

– Решили сразу с места в карьер? Все разрулить? – усмехнулась она.

– Нет, я просто... – я растерялся и не знал, что ответить. Новая знакомая в который раз за полчаса повергла меня в шок своей прямоотой.

Жизель выжидательно смотрела на меня. К счастью, слева от нас показалась небольшая кафешка, это позволило мне безболезненно выйти из сложившейся ситуации.

– Остановимся здесь? – спросил я и получил утвердительный кивок.

– Если Вы не против, я хотела бы остаться на веранде. Нас никто не приглашал внутрь, – добавила девушка и, не дождаясь моего ответа, отодвинула ближайший стул.

Бабье лето дарило последнее свое тепло, однако на каждом стуле лежало по теплому клетчатому пледу. Не слишком-то уместно, но, видимо, сезон диктует свои правила. Жизель сейчас же завернулась в плед поверх пальто («Тренчкота!») почти до самого носа, снова глубоко вздохнула и исподлобья стала оглядывать веранду.

Кроме нас посетителей не было. Я искал взглядом официанта, но не мог найти его. Раздраженный этой мелочью, я хотел отправиться на его поиски, но Жизель пристально посмотрела на входную дверь, прищурила глаза и сказала:

– Официант сейчас подойдет.

И действительно, через несколько секунд на веранду выкатился милый упитанный официант. Он был похож на Колобка – румяный, смеющийся. Казалось, что он с минуты на минуту пустится в пляс. Жизель странно посмотрела на него, гулко сглотнула и отвела взгляд, уставившись на пустой стол.

– Здравствуйте, здравствуйте! – искрился радостью официант. – Меня зовут Наум, и сегодня я стану вашим гидом в

нашем мире деликатесов. Пожалуйста, меню.

С этими словами он будто из воздуха достал две папки из потертого коричневого кожаменителя и услужливо сунул их нам под нос. Меню по своей простоте не шло ни в какое сравнение с излишним апломбом Наума. Какие деликатесы могут быть в типичном парковом кафе? Разве что шашлык из осетрины, да и то, пожалуй, второй свежести.

Жизель зависла на странице с мясными блюдами. Она долго изучала немудреный список приготавливаемых и подаваемых в кафе блюд. Затем громогласно захлопнула папку, не глядя протянула ее официанту и объявила:

– Рейр стейк, пожалуйста.

– Со всем уважением, но мы не готовим стейки, – ответил искрящийся Наум.

– Рейр стейк, пожалуйста, – Жизель исподлобья глянула на официанта. На мгновение воздух между ними замер. Наум остекленевшим взглядом смотрел на девушку. В следующее мгновение она издала непонятный горловой звук, официант пришел в себя и угодливо поклонился.

– Рейр стейк, так и запишем. А Вы чего желаете? – обратился он ко мне.

– Мне, пожалуйста, жаркое из говядины.

– Напитки?

– Воду без газа, – ответила Жизель, усердно разглядывая столешницу.

– Мне пока ничего.

Наум еще раз рассыпался в улыбках, раскланялся и убежал внутрь кафе. Над столиком, как и на всей веранде, повисла тишина, нарушаемая только одинокими вскриками птиц и шелестом листвы.

Я отчаянно пытался найти хоть какую-нибудь тему для разговора. Все, что я обычно транслировал вовне, вся эта светская болтовня, все эти small talks – все это казалось сейчас пустым и глупым. Я хотел произвести на Жизель впечатление, но не мог этого сделать. Девушка еще раз посмотрела на меня, снова вздохнула.

– А ты не очень-то разговорчивый.

– Ну, я предпочитаю слушать, – неловко улыбнулся я.

– Чтобы кого-то слушать, надо у этого кого-то что-то спросить. Не находишь?

– Возможно, – меня начинала раздражать ее манера общаться вопросами, поэтому я решил пойти ва-банк. – Расскажите что-нибудь о себе. Чем Вы занимаетесь в свободное время?

– Свободное время? – задумалась Жизель. – Дело в том, что у меня все время свободно, и я только и делаю, что думаю: как убить его.

– Повезло так повезло. Я чаще думаю, где бы мне его взять.

– О, из нас двоих именно ты счастливчик. Ничего, что я на ты?

– Нет, все в порядке. Так почему из нас двоих счастливчик

– я?

– Потому что, когда у тебя уйма времени, оно растягивается в бесконечность.

– Так это же чертовски здорово!

– О нет, – криво усмехнулась Жизель, – это только так кажется. Вот представь на секунду, что тебе не надо идти на работу, не нужно выполнять никакую работу по дому – ни готовить, ни убирать. Вот что ты будешь делать?

– Отдыхать, конечно.

– Как именно? – нетерпеливо мотнула головой девушка.

– Ну как... Как... Для начала я бы выпался как следует.

– Неделя, максимум – десять дней, – кивнули она. – Дальше?

– Потом... Пошел бы в спортзал, в бассейн. Кино, музеи, выставки – их тоже никто не отменял. Много куда хочется сходить, но времени нет.

– Дальше.

– Еще у меня почти бесконечный список книг, сериалов и фильмов.

– Такой уж прям бесконечный?

– Ну, лет на пятьдесят точно хватит.

– Хорошо. Дальше?

– Дальше... А что по финансам?

– Деньги не проблема.

– Ага, тогда путешествия во все уголки земного шара. Индивидуальные туры и экскурсии, экзотика, чужая культура и

кухня.

– Хорошо. Дальше?

– Может быть, кругосветное путешествие на лайнере.

– А дальше?

– Дальше книги, фильмы, сериалы.

– А когда ты перечитаешь и пересмотришь все, что планировал?

– К этому времени появится что-то новое. Но к тому моменту мне должно уже будет около ста пятидесяти лет, поэтому до этого времени я не доживу.

– А если доживешь? Что будешь делать дальше?

– Дальше... – я задумался.

– Вот теперь понимаешь? Представь себе бесконечность, прорву времени, вечность, которую тебе просто некуда деть и нечем заполнить. И единственное, что может хотя бы ненадолго отвлечь тебя от этого, азарт охоты.

Слова ее ввергли меня в ступор. Я старался и не мог представить себе вечность и чем ее можно заполнить. Мне все время казалось, что у меня столько возможностей и желаний, что всего этого хватит мне на целую вечность. Но сейчас я осознал, что моя вечность укладывалась в какие-то несчастные пятьдесят-семьдесят лет. А дальше я просто не мог представить, чем действительно можно занять свободное время. И вот тогда, именно в этот момент, оно становилось не даром, но настоящим проклятием.

– Вот видишь, – выдернул меня из ступора голос Жизе-

ли, – теперь-то ты веришь, что из нас двоих счастливчик – ты?

Я кивнул головой и хотел спросить, откуда у нее целая вечность времени, почему она уверена, что проживет так долго, кто она такая, что может позволить себе настолько ненавидеть время, тем более свободное, но тут явился лучезарный Наум со стейком и жарким. Он ловко расставил тарелки на столе, раскланялся и снова скрылся за дверями ресторана.

Стейк распространял вокруг себя аромат свежего мяса и еле заметный запах крови. Жизель склонилась над тарелкой и с непонятым всхлипом втянула в себя воздух. Ноздри ее при этом по-животному затрепетали, а на губах блеснула ниточка слюны. В следующее мгновение она совладала с собой, взяла в руки вилку и нож и принялась кромсать стейк.

Я никогда не видел, чтобы девушка с такой жадностью и аппетитом поглощала полусырое мясо. Обычно они (девушки, разумеется) вяло ковыряют вилкой овощной салат и потягивают воду. Но Жизель вся отдалась поеданию стейка. Казалось, для нее это был священный обряд, дань какому-то древнему кровожадному божеству.

По тому, как сосредоточенно она смотрела в тарелку, я понял, что ее лучше не отвлекать разговорами, поэтому принялся за свое жаркое. Вкус блюда приятно удивил меня – я ожидал гораздо худшего. Но тот стейк не давал мне покоя – его ведь и правда не было в меню...

Жизель расправилась с едой буквально за пять минут, аккуратно отерла рот и снова принялась рассматривать столешницу. Когда на моей тарелке осталось меньше половины жаркого, девушка решила возобновить наш разговор.

– Все-таки жаль, что человеку доступны только пять чувств, – сказала она, задумчиво глядя в даль.

– Почему пять, – возразил я, – шесть. Не забывай о кинестетике.

– Она не дает никакого удовольствия, – отмахнулась Жизель. – Да и вообще, если быть честными, удовольствие дают нам всего два чувства – осязание и вкус.

– А как же слух или зрение? – возразил я. – Ведь можно наслаждаться музыкой, красивой картиной, пейзажем. В конце концов – голосом любимого человека.

– Ерунда, – криво усмехнулась Жизель. – Что ты предпочитаешь – послушать «Кармен» или съесть кусок мяса?

– Ну, если голоден, то выберу мясо, а если нет – оперу.

– Хорошо. А если выбор будет между красивым пейзажем и ночью с красоткой? Ну, только не ври – хотя бы себе.

– Ты мух с котлетами смешиваешь, – засмеялся я. – Каждая ситуация – особенная, в каждой из них человек делает выбор. И не всегда он будет подчиняться низменным чувствам.

– А почему сразу низменные? Разве голод – низменное чувство? Разве желание матери приласкать своего ребенка – низменное желание? По-моему, это ты путаешь что-то.

– Просто ты сказала... – смутился я. – И я решил...

– Ты сказала, я решил, – передразнила меня Жизель и от-
вернулась.

Опять между нами повисло молчание. Где-то вдалеке раздалось глухое ворчание грома. Подул ветер и принес с собой запах мокрой листвы и земли. Дождь действительно приближался – как и сказала Жизель.

Я уставился в тарелку с жарким и задумался. Сейчас, когда я не смотрел на нее, я не мог понять, чем она меня привлекла. Не очень красива, порой груба, непоследовательна – но меня все равно тянуло к ней как магнитом. Стоило мне взглянуть в огромные глаза, как я тонул в них, теряя силу воли и даже часть самого себя.

Вся эта история мне не нравилась, поэтому я решил поблагодарить Жизель за обед и уйти, сославшись на срочные дела. Отодвинув тарелку, я стал украдкой высматривать официанта – мне нужен был счет.

– Свет звезд, который мы видим каждую ночь, несется к нам из невообразимо далеких мест. И пока он долетит до нас, звезд, которые послали его, уже не существует. Ты когда-нибудь задумывался об этом? – внезапно спросила Жизель тихим и полным грусти голосом.

– Слышал что-то подобное, – я снова был удивлен резкой сменой ее настроения и темы разговора.

– Получается, что мы видим прошлое. И то, что для этой звезды было настоящим, для нас пока еще далекое будущее.

Свет погасших звезд... А вдруг и мы – всего лишь такой свет? Каково это: знать, что ты – не ты, а лишь бледное эхо самого себя из далекого прошлого? И сколько ни вглядывайся в это прошлое, не увидишь там ничего... Как бы я хотела вернуть все назад, – протяжно и тоскливо вздохнула Жизель.

Я не знал, что ответить ей, поэтому почел за лучшее промолчать. Через несколько минут к нам подошел официант, я расплатился, и мы двинулись дальше по парку.

Вечер прошел, наступила ночь. Дождь прекратился, и небо разъяснилось. Далеким близнецом фонаря на небе светила полная луна. Не могу точно вспомнить, о чем мы разговаривали и разговаривали ли вообще – весь этот день слился для меня в непрерывное блуждание по дорожкам и аллеям парка. Единственное, что я четко запомнил – серебристые струи дождя вокруг нас, глаза Жизель и свое желание остаться с ней навсегда. И в свете фонаря она засмеялась, услышав это мое желание.

– Ты точно хочешь этого?

– Да. Я готов провести с тобой вечность, и это не страшит меня.

– Глупый, – рассмеялась она. – Ты даже представить себе не можешь, что такое вечность. Это вечный голод, который нельзя утолить. Это вечная скука, которая приносит боль и от которой нет спасения.

– Я готов. Если рядом будешь ты, я ничего не убоюсь.

Жизель потянулась ко мне, коснулась губами моих губ.

– Я встретила тебя совершенно случайно. Мне было все равно, кто это будет, лишь бы этот кто-то утолил мой голод. Но по злой случайности я встретила тебя и вспомнила, каково это – быть человеком. Но голод берет свое, – в свете фонаря во рту Жизель блеснули необычайно длинные и острые клыки. Картинка была такой яркой и отчетливой, что я разглядел на ее зубах мелкие пузырьки слюны.

– Ты... вампир? – неуверенно выговорил я. Сама мысль о том, что вампиры существуют, казалась мне нелепой и смешной. Я все ждал, что она рассмеется и скажет, что это всего лишь косплей, что она готовится к поступлению в театр – в конце концов. Я даже решил, что сплю, но количество пальцев равнялось пяти и на правой, и на левой руке¹.

– Я все время хотела быть как люди, жить как вы. Но эта ироничность, сарказм и безразличие, выработанные во мне за сотни лет существования – они не дают мне быть как все. И я, и моя жизнь – всего лишь свет давно погасших звезд. Я так устала. Когда я встретила тебя, мне на мгновение показалось, что ты – мой шанс. Но нет – голод берет свое. Но знаешь, что хуже всего?

– Что? – автоматически спросил я.

– Что после того, как закончится моя охота – сегодняшняя охота, ты станешь мне безразличен. Ты будешь для меня

¹ Согласно одной из практик осознанного сновидения, понять, что вы во сне, помогает созерцание своих рук. Если на руках количество пальцев не равно пяти, вы во сне. Поздравляю.

чем-то вроде недоеденного жаркого, которое отодвигаешь от себя, потому что насытился. Но и это еще не все. С того самого момента ты сам будешь обречен на вечные скитания. Ты будешь мечтать утолить голод, пожирающий тебя изнутри. Но больше всего тебя будет тревожить свет звезд – давно погасших на бескрайних ледяных молчаливых просторах космоса звезд. Возможно, ты никогда не найдешь успокоения в этой не-жизни. А может быть, тебе повезет, и спустя сотни лет ты сможешь утолить не только голод, но и ледяную тоску внутри себя. А теперь смотри на звезды – все будет быстро.

В первое мгновение я испугался. Я хотел жить, хотел любить, хотел наслаждаться вкусной едой и интересными книгами, красивыми женщинами, теплом моря и шорохом дождя. Я хотел оставить после себя след на этой земле. Но, в сущности, что это даст мне? Меня забудут мои же внуки, о правнуках и говорить нечего. Мое тело превратится в прах, который, если повезет, даст начало новой жизни. Но все это сейчас представлялось мне таки далеким и неважным – как свет погасших звезд. Поэтому я посмотрел на звезды.

Смотрел, пока она тянулась к моей шее своим жадным алым ртом. Смотрел, пока она ощупывала губами кожу в поисках артерии. Смотрел, когда она легонько щекотала мою шею языком, чтобы ускорить ток крови от древнего, как сам мир, животного возбуждения. И даже когда я ощутил кожей холод и остроту ее клыков, я смотрел на звезды. Я смотрел и

понимал, что не могу уже поступить иначе. Не могу повернуть время вспять. Затем я моргнул, но глаза открыл уже не-я, и в это же мгновение не-я почувствовал ледяную бесконечную тоску и голод, которые вливались в мое тело вместе со светом звезд. Светом давно погасших звезд...